

Бай Ицин ослабил одеяло, высвободил руку и, свернувшись на кровати, тихо извинился:

— Но я правда не хотел тебя целовать там. Я просто пытался встать, но одеяло было слишком туго затянуто, и я... случайно... наткнулся.

— Правда, поверь мне.

Гу Яньшу на самом деле переживал не из-за этого, а из-за другого. Почему он только взглянул на шею Бай Ицина, и его тело сразу же отреагировало? Неужели это снова «мышечная память»? И почему лицо этого Омеги... такое смущенное и испуганное... казалось таким милым? Почему он нашел его милым? Ведь он всегда ненавидел Омег.

Гу Яньшу погрузился в размышления, его мысли были далеко. Бай Ицин украдкой взглянул на него и, увидев, что тот все еще хмурится, словно оценивая его слова, почувствовал растущее раздражение. Объяснения не помогали, и он не мог убедить Гу Яньшу, что говорит правду.

Бай Ицин тихо пробормотал:

— В общем, я не вру... если ты не веришь, то и ладно.

С этими словами он лег на бок, отвернувшись от Гу Яньшу, и больше не смотрел на него.

Его характер был одновременно и мягким, и упрямым. Он редко злился, но когда это происходило, его было трудно успокоить. Он мог терпеть, когда его ругали, но не мог смириться с несправедливыми обвинениями. В данном случае Бай Ицин уже объяснился, но Гу Яньшу не верил ему. Раз или два он мог с этим смириться, но после нескольких раз это начало его раздражать.

Гу Яньшу, заметив, что тот отошел к краю кровати, наконец очнулся. Он так увлекся своими мыслями, что не услышал, что Бай Ицин говорил. Теперь он был в замешательстве. Что случилось? Он что, обиделся?

— Ты обиделся? — Гу Яньшу подполз к нему и толкнул Бай Ицина.

Тело Бай Ицина слегка качнулось, но он не ответил. Этот Омега обычно был таким спокойным. Неужели из-за болезни он стал более раздражительным?

Гу Яньшу перевернулся, оперся на руки и заглянул в лицо Бай Ицина:

— Почему молчишь? Говори.

— Я не обиделся.

Бай Ицин закрыл глаза и отвернулся.

— Брось, мой друг сказал, что Омеги, когда злятся, любят игнорировать людей.

Гу Яньшу явно не верил ему и снова повернулся к нему.

— А твой друг не говорил тебе, что не стоит беспокоить Омегу, когда он злится?

Бай Ицин тяжело вздохнул, открыл глаза и спокойно посмотрел на Гу Яньшу.

— Нет.

Гу Яньшу, видя, что тот ответил, сел рядом.

— Так ты признаешь, что обиделся?

Бай Ицин замер, его лицо стало каменным, и он отвернулся:

— Нет.

— Ты обиделся, — настаивал Гу Яньшу. — Омеги всегда говорят наоборот: «нет» значит «да», «не хочу» значит «хочу».

«Не хочу» значит «хочу»... Бай Ицин вдруг вспомнил их первый раз, когда он попросил Гу Яньшу быть помягче, а тот, наоборот, стал еще жестче, называя его развратным... Теперь он понял, что Гу Яньшу, вероятно, воспринял его слова как игру.

Голова Бай Ицина сразу же заболела, он резко потер ее и накрылся одеялом:

— Я не обиделся, просто хочу отдохнуть.

Гу Яньшу всегда предпочитал прямолинейность, и после нескольких попыток он потерял терпение. Его брови нахмурились, и он резко отдернул одеяло.

— Ах!

Бай Ицин вздрогнул и настороженно посмотрел на Гу Яньшу. Тот был бесстрастен, но легкая

морщина на лбу выдавала его раздражение, а напряженные вены на руках пугали.

— Что ты делаешь?

Гу Яньшу схватил руки Бай Ицина и прижал их к кровати. Его феромоны непроизвольно вырвались наружу, создавая давление, присущее Альфе.

Бай Ицин перестал слышать все, кроме их дыхания. Его сердце билось так громко, что он мог чувствовать его удары в груди. Он не мог понять, был ли это страх или напряжение. С этого угла Гу Яньшу выглядел еще более устрашающе, его красота сочеталась с жестокостью.

— У меня плохой характер, и я не люблю повторять один и тот же вопрос. — Гу Яньшу говорил медленно, каждое слово било по сердцу Бай Ицина. Его голос был низким и глубоким, как вой одинокого волка. — Так что скажи мне, почему ты злишься.

Казалось бы, в такой ситуации Бай Ицин не мог не ответить. Но он был тем, кто скорее поддавался на мягкость, чем на давление. И теперь, даже будучи прижатым, он не сдавался:

— А что, если я скажу? А если нет?

Гу Яньшу усмехнулся. Он одной рукой схватил запястье Бай Ицина и тихо засмеялся:

— Я думал, что, раз ты болен, буду с тобой помягче. Но ты, похоже, решил воспользоваться этим? Дал тебе палец, а ты взял всю руку?

Его голос к концу превратился в крик.

Бай Ицину стало неприятно от этого крика. Всего несколько часов назад Гу Яньшу обнимал его и говорил «боль улетела», а теперь кричал на него. Его переменчивый характер не изменился с тех пор.

Рука Гу Яньшу сжимала запястье Бай Ицина с такой силой, что тому стало больно. Он все еще был болен, и его эмоции легко выходили из-под контроля. Все это заставило его почувствовать себя подавленным.

— Отпусти меня!

Бай Ицин попытался вырваться, но не смог. Его голос звучал резко, как будто что-то царапало его горло, и он не мог дышать.

— Не двигайся! Иначе я действительно стану жестче!

Бай Ицин, обычно спокойный, окончательно разозлился и выпалил:

— Попробуй!

Гу Яньшу рассмеялся:

— Хорошо! Я не хотел этого, но раз ты настаиваешь, я не буду сдерживаться.

Он резко потянул Бай Ицина к себе, смотря на него сверху вниз. Движение было настолько быстрым, что Бай Ицин не успел понять, что произошло. Его голова закружилась от резкого движения, и он почувствовал, как темнеет в глазах. Гу Яньшу поднял руку и ударил в сторону лица Бай Ицина, создавая порыв ветра. Бай Ицин инстинктивно закрыл глаза, ожидая боли.

Но боль так и не пришла. Бай Ицин открыл глаза, чтобы понять, что произошло.

Гу Яньшу ждал именно этого момента. Видеть, как тебя бьют, больнее, чем получить удар неожиданно. Увидев, что Бай Ицин открыл глаза, он усмехнулся и снова поднял руку.

Раздался звук — *тук*! Это был щелбан по голове Бай Ицина.

Этот удар был словно месть, которую долго вынашивали. После этого гнев Гу Яньшу немного утих, и он холодно спросил:

— Теперь ты будешь слушаться?

Бай Ицин был в полном недоумении:

— ?????? Что... что это было?

Почему это становится все смешнее... Почему!

Увидев, что Бай Ицин застыл, Гу Яньшу снова щелкнул его по голове, сердито сказав:

— Ты что, еще думаешь?

— Ох...

Бай Ицин, получив еще один щелбан, наконец очнулся и прикрыл голову рукой.

— Зачем ты меня щелкаешь?

— Ты сам сказал, чтобы я был жестче! — закричал Гу Яньшу.

— Я...

Бай Ицин был в тупике. Кто бы мог подумать, что его «жесткость» — это щелбан? Кто бы мог подумать!

— Что?

Гу Яньшу, заметив странное выражение на лице Бай Ицина, схватил его за подбородок и заглянул в глаза.

— Ты что, чего-то ожидал?

С этой позиции, глядя сверху вниз, его взгляд казался еще более холодным, а густые ресницы добавляли ему некой загадочности. Бай Ицин сглотнул и сказал:

— Нет.

— Чего нет?

Гу Яньшу провел языком по зубам, уложил Бай Ицина на кровать и встал на колени, смотря на него снизу вверх.

— Серьезно, почему ты злишься?

Эта поза делала его менее властным, что было небольшой уступкой с его стороны.

Почему злился? Разве это не очевидно?

Бай Ицин, глядя на свои ноги, сказал:

— У меня болит голова, дай мне отдохнуть, хорошо?

Услышав о головной боли, выражение лица Гу Яньшу изменилось. Он накрыл Бай Ицина одеялом и снова измерил его температуру.

— Нет.

Температура не поднялась, но и не упала. Гу Яньшу завернул Бай Ицина в одеяло, как в кокон, и снова уложил его на место.

Бай Ицин внутренне подумал: «Только что оттянул, а теперь снова положил. Ты что, играешь в бумеранг?»

Гу Яньшу сел рядом с ним, как будто был стражем у подножия статуи Гуаньинь, и, подняв подбородок, сказал:

— Так почему ты злишься?

<http://bllate.org/book/15562/1384853>